

Выступления

Как возможна гуманитарная наука?

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Доклад мне понравился. Наводит на серьезные размышления, а это — главный критерий для позитивной оценки любого доклада. Отмечу в качестве примера ту часть доклада, где говорится о состоянии интеллектуальной растерянности, о необходимости интеллектуальной мобилизации для выхода из такого состояния. Особенно выдержан последний маленький раздел, где лаконично и четко изложена современная проблематика. Я бы только несколько сместил акценты. Докладчик пишет о явлениях и процессах, которые, по его представлению, доминируют сегодня в общественной жизни и общественном развитии. Мне же кажется, что речь должна идти только о тенденциях, которые наметились или намечаются, но пока еще не преобладают. Но при всей важности этого вопроса (мы к нему неизбежно будем не раз возвращаться) я сейчас не хочу на нем концентрировать внимание.

О чем же необходимо говорить в первую очередь? По теме «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства», за которую мы беремся, встает целый ряд методологических проблем, без осмысления которых семинар не сможет дальше плодотворно разворачиваться. Хотя уже обозначены следующие темы, нам предварительно надо о некоторых вещах договориться. Это не призыв к единомыслию, что и невозможно, и бесплодно. Просто я обращаю внимание на необходимость с самого начала разобраться с методологией, т. е. с подходами к исследованию избранной нами сложной и многогранной темы.

Возьмите понятийный аппарат. Если я правильно понимаю, А.И. Неклесса предпринял попытку представить тему в логике самых общих философских понятий. Такой

подход правомерен и даже необходим в традиции модернистского видения мира. Но не секрет, что постмодернизм ведет на него атаку. Ссылаясь на высоко динамичную релятивность всего происходящего вокруг нас, постмодернисты отвергают «нарративный подход», т. е. разговор о действительности в общих понятиях — «общество», «государство», «прогресс», «демократия», «свобода» и т. д. По их мнению, в стремительно меняющемся мире «нарративные» концепции нельзя верифицировать, они лишаются смысла.

Конечно, если следовать логике постмодернизма, то мы придем к полному отрицанию гуманитарной науки. Если никаких обобщений сделать нельзя и общие категории исчезают, то значит, наука невозможна. Но надо признать, что постмодернизм возник не на пустом месте. Высокий динамизм современного мира действительно мультиплицирует релятивность общественных явлений и событий. Остро встает вопрос о том, в какой мере научная мысль способна прорваться сквозь буйные джунгли этой релятивности и обнаружить за ней некие константные величины общественной динамики. В этом вопросе нужно разобраться.

Как возможна гуманитарная наука и возможна ли она вообще? Это не такой простой вопрос. Во всяком случае, гуманитарная наука как средство познания общества не может быть приравнена к естественным наукам, выявляющим законы природы. Тут уже упоминали неокантианство. Г. Риккерт проводил четкий водораздел между двумя типами наук: предмет естественных наук — законы, предмет гуманитарных наук — это цен-

ности, которыми вдохновляются живые люди, творя свою историю. В то время идея не была понята. Вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка. По аналогии с природой в обществе искали некие объективные законы, определявшие общественные процессы. Вспомните аксиомы исторического материализма.

Между тем, общественные процессы — продукт сознательной деятельности людей. Поэтому здесь не может быть неотвратимых законов, свойственных природным явлениям и процессам. Общественному развитию присущи объективные тенденции, в которых обнаруживает себя некая инерция исторического процесса, но которым могут противостоять сознание и воля живых акторов на сцене истории. Проходя сквозь перипетии драматических российских трансформаций, мы начинаем понимать эту истину. Обратите внимание, как редко в российской общественной литературе сейчас употребляется понятие «закон». Оно практически исчезло из научного оборота. А на Западе уже давно не используется.

Очевидно, что у гуманитарной науки должна быть какая-то своя особая методология познания реальности. Если мы согласимся, что эта наука изучает ценности, то надо определиться с тем, как их изучать, какие тут критерии, способы сублимации константных величин, без которых наука немыслима. Какую бы мы точку зрения не приняли, все равно надо, прежде всего, установить, что такое гуманитарная наука, чем она занимается, каковы ее возможности?

И важнейший методологический вопрос — каковы границы научного изучения политики, в том числе государства и государственности? Что такие границы существуют, думаю, никто не сомневается. Если бы политика была доступна научному освоению в полном объеме, то, наверное, лучшими политиками были бы политологи. Изучил науку досконально и глубоко, ну и, пожалуйста, действуй. Однако политика не только наука, но также искусство. В политике на каждом шагу встречаются вещи, которые не поддаются

научному определению. В политике велика роль интуиции, в ней много иррационального. В свою очередь, иррациональность отчасти может быть научно осмыслена. Мы в состоянии вполне рационально понять, почему она возникает, какие социальные и психологические механизмы при этом действуют. Но многое здесь недоступно науке, невозможно рационально просчитать все последствия иррациональных действий.

Во всех этих методологических вопросах мы должны обязательно разобраться, прежде чем переходить к конкретным темам. Когда-то И. Кант задался великой целью установить границы разума и самой способности суждения. В рамках этого исследования фундамента гносеологии он ставил вопросы: как возможно математика, как возможно естествознание? В обстановке нынешней интеллектуальной и политической растерянности, когда востребованность общественных наук в политической практике близка к нулю, вполне правомерно спросить: как возможна гуманитарная наука?

Хронотоп стрелы или хронотоп колеса: историческая инверсия моделей познания

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

В качестве символа современного восприятия времени приводится яркий образ устремленной в разверзающиеся дали будущего стрелы. Признавая историческую вариативность моделей континуума, сам докладчик исходит в своих теоретических положениях из существующего хронотопа. Именно парадигма стрелы определяет моделирование им хода всемирной истории. Предложенному хронотопическому образу может быть противопоставлен другой символ — катящееся с горы колесо. Время раскрывалось в сакральной традиции через проекцию упадка. Традиционное общество обладало представлением о будущем, но связывалось оно не с линией прогресса, но с процессом апостасии.